

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

G. Lazard, C. Moyse-Faurie (eds.). *Linguistique typologique*. Lille: Presses Universitaires du Septentrion, 2005. 323 p.

Книга «Типологическая лингвистика», вышедшая во Франции под редакцией Ж. Лазара и К. Моиз-Фори, представляет собой первую коллективную монографию недавно созданного «Типологического лингвистического кружка» (Cercle de linguistique typologique, CERLITYP) – ассоциации лингвистов, специализирующихся в различных областях. Издание включает 15 статей, которые, согласно написанному редакторами Введению, объединены общей типологической перспективой и стремлением к выявлению лингвистических универсалий.

Статья Ж. Фейе (Париж) «Типология личных оппозиций» посвящена семантическим отношениям в системе личных местоимений. Автор начинает статью с критического анализа теории местоимений Бенвениста, точнее, с пересказа замечаний в адрес этой теории, высказанных ранее К. Ажежем и некоторыми другими исследователями, и демонстрирует уязвимость знаменитого тезиса о «не-личности 3-го лица». Критика Бенвениста у К. Ажежа строится на следующих аргументах: 3-е лицо включается в системы субъектно-объектных глагольных показателей (показатели 'он меня', 'ты его' и т. п. в мордовском, галиби и др. языках ведут себя так же, как *я тебя*, *ты меня*); формы 3-го лица могут употребляться «метафорически», вместо форм 2-го лица (например, *Sie* в немецком), вместо 1-го лица (*он* во французском), так же, как и 2-е лицо, может выступать вместо 3-го (русс. *Говоришь с ним – он не слушает*). Определив в этом разделе понятия личности и субъектности – ключевые для теории личных местоимений у Бенвениста, – автор переходит к демонстрации других оппозиций, выражаемых в системах личных местоимений различных языков мира: категории вежливости и множественного числа. В разделе, посвященном категории вежливости, рассматриваются индоевропейские языки и языки

Юго-Восточной Азии, известные сложностью и многообразием средств маркирования социальных отношений. В разделе о множественном числе приводятся примеры местоименных систем различных типов: от языка пирахан (Бразилия), в котором противопоставление по числу в местоимениях вообще не выражается и система личных местоимений состоит, таким образом, из трех элементов, противопоставленных только по лицу, до лихир (Папуа-Новая Гвинея), в котором противопоставлены единственное, двойственное, тройственное, паукальное и множественное число и инклюзив и эксклюзив в первом лице во всех числах кроме единственного. Статью завершает краткая информация о других, более «экзотических» оппозициях, которые могут быть маркированы в системе личных местоимений: детализация внутри противопоставления по эксклюзивности/инклюзивности (масахуа) или маркирование принадлежности говорящего и слушающего к одному и тому же или к разным поколениям (лардиль).

Для статьи К. Гриневальд (Лион) «К типологии выражения статической локализации: локативные предикаты» основным материалом послужили америндские языки. Автор отмечает, что в последние десятилетия XX в. исследования в области выражения пространственной локализации велись весьма активно, но их предметом становились преимущественно индоевропейские языки, в которых основным средством выражения этих значений являются предлоги. В америндских же языках локативные значения выражаются предикатами соответствующего типа. Задача автора заключается в том, чтобы предложить способ описания статических локативных предикатов, который позволял бы сопоставлять данные разных языков. Материалом служат языки цельталь семьи майя, кваквала вакашской семьи и три

южноамериканских языка: сикуани (гуахибо), куна и терибе (чибча). На этих примерах автор иллюстрирует ареальные сходства и различия систем статических предикатов в америндских языках. Так, в семантической структуре статических предикатов цельталь отражается универсальная двучленная пространственная когнитивная структура «что и где» («what and where»), хотя для языков Центральной Америки в целом более характерна другая семантическая структура, основанная на «что и как» («what and how»). В локативных предикатах южноамериканских языков маркируется положение тела или неодушевленного объекта – ‘сидя’, ‘лежа’, ‘стоя’, причем, в отличие от индоевропейских языков, в которых также кодируются эти три положения, здесь в эту парадигму входит четвертый член – ‘в подвешенном состоянии’. Автор отмечает, что это четвертое положение широко представлено в южноамериканских языках тропического ареала, в котором широкое распространение имеет гамак, поэтому «подвешенность» – привычное состояние для людей, как и для предметов повседневного обихода и съестных припасов.

К. Ажеж (Париж) начинает свою статью «Об истинном месте транзитивности, или лингвистическая типология между прошлым и будущим» с краткого обзора истории использования понятия транзитивности в типологических исследованиях. Транзитивность стала отправной точкой для формулирования важнейших понятий лингвистической типологии, но теперь, по мнению автора, необходимо не менее пристально исследовать и другие глаголы, – тем более, что в речи, по данным корпусов нескольких языков (французского, русского, иврита и др.), преобладают одновалентные глаголы. Далее на разнообразном типологическом материале анализируется один из типов одноактантных предикатов – аффективные предикаты.

Статья К. Эно-Сахно и С. Сахно (Париж) «Лексическая семантическая типология: проблемы систематизации» обращается к типологическим исследованиям в области лексики, которые, как отмечают авторы, сильно затруднены несистемностью последней. Однако некоторые закономерности, наблюдаемые неоднократно в различных языках, все же можно выделить. Авторы называют три типа таких закономерностей и сосредотачиваются на одном из них – на закономерностях развития многозначности и переноса значений. Для описания этих закономерностей используется введенное А. Потемной понятие внутренней формы слова. Рассматриваются несколько семантических переходов в индоевропейских языках (русс. *друг* и *друг-ой*; внутренняя фор-

ма глаголов со значением ‘простить’ в разных языках и др.).

Ф. Жаксон (Париж) в статье «Лицо и функция» рассматривает отношение между лицом (1 – говорящий, 2 – слушающий, 3 – не участвующий в разговоре) и функцией, т.е. семантической ролью (агенса/пациенса) и специально подчеркивает иерархичность в системе личных местоимений. На материале разных языков, обладающих развитой системой личных маркеров (именных – посессивных и глагольных – показателей субъектного и субъектно-объектного спряжения) автор демонстрирует возможности «инверсии» лица и семантической роли, при которой иерархии лиц и функций приходят в противоречие. Рассматриваются языки, в которых в качестве предиката может выступать не только финитный глагол, но и отглагольное имя – в последнем случае лицо и число подлежащего маркируют притяжательные суффиксы (тибето-бирманский язык камхау группы куки-чин и ительменский), при этом выбор именного или глагольного предиката авторы описаний этих языков (Меновщиков и Вахтин, Гендерсон) связывали с жанром речи: глагольные предикаты с личными окончаниями используются в диалоге, а именные с посессивными маркерами – в монологических мифологических рассказах. Автор предполагает, что выбор того или иного варианта обусловлен не столько речевым стилем, сколько семантикой: личные окончания используются в том случае, когда действие, выражаемое предикатом, контролируется агентом, посессивные – тогда, когда это действие находится вне сферы контроля агенса. Типологическое подтверждение такая трактовка находит в языках тупи-гуарани, в которых имеются две серии личных окончаний: для действий, контролируемых агентом, и для действий, не контролируемых агентом.

П. Кирчук-Алеви (Бер-Шева, Израиль) в статье «Перемещение? Тематизация? К вопросу об отношении *язык-речь*» критикует понятия перемещения и тематизации как операций, производимых над предварительно «правильно» порожденным высказыванием. Он детально анализирует четыре типа высказываний с перемещенной темой во французском языке и показывает, что их синтаксические и интонационные характеристики не дают оснований предполагать перемещение темы после порождения высказывания. Эти выводы, сделанные относительно французского языка, подкрепляются далее анализом примеров высказываний с перемещением темы, взятых из нескольких семитских языков, кечуа, каннада, баскского и эскимосского. Статья завершается рядом замечаний методологического характера: изучение разговорной речи должно пред-

шествствовать изучению речи письменной, изучение речи должно предшествовать изучению языка и т.п.

Основной тезис статьи С. Крижель (Экс-ан-Прованс) «Грамматикализация: в каком языке? Несколько примеров из креольских языков на основе романских» состоит в том, что грамматикализованные единицы в креольском языке могут появляться вследствие разных процессов: 1) грамматикализация начинается и разворачивается в креольском языке, 2) начинается в другом языке (часто в европейском языке-лексификаторе) и продолжается в креольском, 3) начинается и продолжается в другом языке (обычно, но не обязательно в языке-субстрате), а в креольский переносится результат этого процесса. Все три варианта иллюстрируются на примере пассивных показателей папьяменто (*keda* < исп. *quedar* 'оставаться', *ser* < исп. *ser* 'быть', *wordo* < голл. *worden* 'становиться') и сейшельского креольского (*ganny* < *gagner* 'охватывать'). Только в последнем случае (сейш. *ganny*) грамматикализация не имеет отношения к языку-лексификатору. Но, по мнению автора, на развитие пассива с *ganny* в сейшельском креольском могла повлиять английская конструкция типа *he gets fired*, т.к. влияние английского в сейшельском креольском весьма существенно. Основной вывод автора, помимо призыва к пересмотру понятия грамматикализации по отношению к креольским языкам и прочим контактными системам, заключается в том, что языковые изменения редко бывают монокаузальны. Так, грамматикализация рассматриваемых пассивных показателей обусловлена и развитием письменного варианта языка в папьяменто и в сейшельском креольском (в устной речи в обоих языках пассив как правило не маркируется в глаголе), и процессами, предшествовавшими образованию креольского языка, в языках-лексификаторах (папьяменто *ser* и *wordo*) или их диалектах (папьяменто *keda*), и процессами, протекавшими в языке-субстрате или в каком-то из контактирующих языках (сейш. *ganny*). Описание процесса грамматикализации в креольском языке должно учитывать все эти внешние и внутренние, синхронные и диахронические факторы.

Ж.Л. Леонар (Париж) в статье «Сложность и упрощение в фонологии, инварианты в тенденциях развития зубных согласных: развитие фрикативных из аффрикат» исследует переход *ts* – глухой межзубный спирант – фрикативный + смычный в финских диалектах (в которых, по мнению других исследователей, этот переход обусловлен влиянием шведского), и в савойских франко-провансальских диалектах. Автор ставит перед собой две задачи. Во-пер-

вых, сопоставив одинаковые линии развития аффрикат в генетически не связанных идиомах, продемонстрировать, что и в том, и в другом случае такое развитие обусловлено скорее внутренними тенденциями языка, чем языковыми контактами. Среди таких тенденций наиболее изученной и «привлекаемой лингвистами» являются соображения экономии, оптимальности и т.п. – диахронического перехода более маркированных фонем в менее маркированные. Другая задача заключается в том, чтобы продемонстрировать, что изучение диалектов не должно быть достоянием одной только диалектологии – «науки сугубо дескриптивной, кумулятивной, с энциклопедической целью – явить «сокровище» существующих форм языка» (с. 158), но что диалектное разнообразие, наряду с языковым разнообразием, может служить источником ценных сведений для типологии. Основываясь на предложенной Косериу классификации диалектных зон, автор отмечает, что в случае с развитием аффрикат в «малых» зонах значительно чаще возникают примеры развития «наоборот», т.е. более маркированных фонем на месте менее маркированных.

К. Моиз-Фори (Париж) в статье «Проблемы синтаксической категоризации в полинезийских языках» обращается к проблеме классов слов в полинезийских языках. Как известно, выделение традиционных частей речи в полинезийских языках сталкивается с непреодолимыми трудностями: любое полноточное слово может выполнять функции разных частей речи без морфологических изменений. Существование таких языков ставит под сомнение типологическую универсальность противопоставления имени и глагола. Автор рассматривает предлагавшиеся подходы к выделению имени vs. глагола или предикативных vs. непредикативных лексем в полинезийских языках: функциональный подход, при котором постулируется полифункциональность всех классов слов, а противопоставление имени и глагола отрицается; дистрибутивный подход, позволяющий выделить именную и глагольную, а также другие классы лексем на основании их сочетаемости с грамматическими маркерами – артиклями для именного класса, маркерами времени, вида и модальности для глагольного класса; разные варианты подходов, при которых классифицируются не лексемы в языке, а их употребления в речи: конструкции с артиклями признаются именными, конструкции с ТАМ – глагольными (Клер Моиз-Фори отмечает, что при составлении грамматики языка футу она избрала один из этих подходов, и признает, что это было достаточно удобно). Демонстрируется, что каждый из этих подходов имеет свои недостатки (например,

ТАМ-маркеры и артикль не обязательно исключают друг друга) и предлагается отказ от дихотомии имя vs. глагол с тем, чтобы выявить другие возможные классы слов в полинезийских языках. С опорой на семантику, которая во всех рассмотренных выше подходах игнорируется, в исследовании выделяются несколько лексических классов (*сущности* (*entités*) – с дальнейшей субкатегоризацией: наименования людей, локализации, названия артефактов и т.д., – *действия и качества*) и описываются дистрибутивные и функциональные характеристики этих классов. Субкатегоризация лексем первой группы также основана на семантических критериях: предикативное употребление этих лексем по-разному модифицирует их значение (предложения «X – Р», где Р – это локализация, означают «X происходит (родом) из Р», где Р – названия артефактов, означают «X пользуется Р», где Р – наименование человека, «X – один из Р, является Р» (например, «Ламу был-королем», где Р – «король»)). Основной вывод статьи оказывается достаточно тривиальным: вернувшись от семантических классов к дихотомии имя vs. глагол, автор определяет глагол в рассматриваемых языках как «лексему, прототипически обозначающую действие или качество, прототипическая функция которой предикативная», а имя как «лексему, прототипически обозначающую сущность, прототипическая функция которой – непредикативная» (с. 190). Оговаривается, кроме того, что глагол в непредикативной функции может иметь при себе сочетание специфицирующий артикль (*article spécifique*) + аспектальный показатель и крайне редко какой-либо другой артикль, а имя, напротив, лишь в исключительных случаях может иметь эту последовательность показателей, но сочетается с любым другим артиклем. В предикативной функции имя, как правило, имеет одну валентность, а глагол прототипически бивалентен с одной валентностью на эргатив, и валентная структура сохраняется и в непредикативном употреблении глагола. Эти уточнения представляют больший интерес, чем собственно определения.

В статье С. Нугье Вуазен (Прованс, Франция) «Антипассив и аккумулятивные языки» доказывалось существование антипассивных конструкций в аккумулятивных языках. В эргативных языках антипассив служит механизмом понижения валентности двухвалентных глаголов: агенс маркируется не эргативным падежом, а абсолютным, пациенс – не абсолютным, а каким-либо косвенным падежом (как правило, инструментальным) или опускается. Глагол при этом приобретает специальный антипассивный показатель. В статье предлагает-

ся причислять к антипассивным и аналогичные, т.е. с понижением валентности, маркированным в глаголе, конструкции аккумулятивных языков. Специализированный антипассивный показатель обнаруживается в языке нахуатль (*teitla*, традиционно рассматриваемый как показатель неопределенного объекта), во многих других аккумулятивных языках функцию антипассива выполняют показатели среднего или взаимного залога (надо отметить, что автор настаивает на трактовке антипассива и пр. как залогов, не прибегая к термину «актантная деривация»). Приводятся схожие примеры из русского (*куры несутся*, *собака кусается*), испанского (*Agarré la mesa* «я схватил стол» – *Me agarré al/de la mesa* «я задел за стол») – и французского (*Il confesse ses péchés* «он признает свои грехи» – *Il se confesse de ses péchés* «он признается в своих грехах») языков: конструкции с *-ся/se* предлагается считать антипассивными. В языках, в которых возвратный и средний залог имеют разные показатели (кирунди, волоф), один из них также может выполнять функции антипассива. Отмечается, что средний и возвратный залог и антипассив сопровождаются сходными семантическими модификациями: эти трансформации приносят значения «слабой степени индивидуализации объекта», «недостаточной выделенности участников», «повторяемости ситуации». Предполагается, что «сближение аккумулятивных и эргативных языков на основании механизма модификации валентной структуры (т.е. признание антипассива в аккумулятивных языках) обогатит типологические данные» (с. 199).

К. Нуайо (Париж) и Иса Такаси (университет Ломе, Того) в статье «Категоризация и рекатегоризация: сериальные глагольные конструкции и их развитие в двух языковых семьях Того» опираются на представление о сериальной конструкции как «синтаксической конструкции, в которой несколько глаголов образуют последовательность, но ведут себя как одна глагольная единица» и семантически соответствуют одному событию. Статья представляет довольно обширный обзор литературы, посвященной проблемам отграничения сериальных конструкций от внешне сходных с ними конструкций другой природы – последовательности независимых предикатов, сложного глагола, в состав которого вошли форманты глагольного происхождения, конструкции с вспомогательным глаголом. Вместо того, чтобы предлагать новые или уточнять уже имеющиеся способы идентификации сериальных конструкций, авторы трактуют отсутствие четких границ как естественное следствие динамичности сериальных конструкций, переходного состояния многих из них, т.к. их развитие

часто связано с лексикализацией, образованием сложного глагола, и грамматикализацией, в частности появлением вспомогательных глаголов. Предметом статьи являются процессы грамматикализации сериальных конструкций в языках эве (группа гбе языков ква) и басари (группа гур). Степень грамматикализации определяется при помощи специально разработанных тестов (например, способность отдельных глаголов, входящих в сериальную конструкцию, принимать те или иные маркеры), которые предлагаются информантам – носителям языка. Если суждения информантов противоречат друг другу, расхождения трактуются как свидетельства переходного состояния от конструкции из нескольких глаголов к конструкции полнозначный глагол + грамматикализованный элемент, как непосредственное отражение процесса грамматикализации в синхронии. Подробный анализ сериальных конструкций в нкам приводит к выводу, что в этом языке сериальные конструкции в собственном смысле слова не представлены, а называемые сериальными конструкциями глагольные сочетания, в которые входит специальный «соединительный» формант (анафорический местоименный маркер *ki*), представляют собой переходный этап на пути к образованию вспомогательного глагола из первого компонента конструкции и этого форманта. Зафиксированы и другие возможности грамматикализации сериальных конструкций – изменение актантной структуры основного глагола с расширением числа допустимых актантов, развитие новых способов выражения аспектуальных значений (в частности, в нкам имел место процесс, аналогичный развитию прогрессива в шведском языке).

В начале статьи Б. Потье (Париж) «Инварианты, когнитивные категории и универсалии» ставится задача «как можно точнее охарактеризовать каждый из трех терминов, вынесенных в заглавие» (с. 242), однако эту задачу нельзя считать выполненной. Статья представляет собой довольно импрессионистические заметки по поводу универсальных ментальных категорий, в основном в виде кратких комментариев к цитатам из работ Ж. Лазара по общему языкознанию и к созданным автором графическим отображениям когнитивных структур или языковых фактов. Например, на с. 246 имеется схема следующего вида:

	1V	2V	3V (V – линия взгляда говорящего)
местоположение	<i>à</i> (приближение)	<i>en</i> (контакт)	<i>de</i> (удаление)
детерминация	<i>un</i>	<i>ce</i>	<i>le</i>
модальность	<i>желать</i>	<i>добиться</i>	<i>сожалеть</i>

Никаких пояснений к этой схеме не имеется, и на мой взгляд, понять ее невозможно. Если бы автор был менее лаконичен и шире прибегал бы к вербальному, а не только графическому способу выражения, основная идея статьи, безусловно справедливая и заслуживающая рассмотрения, – постулирование таких универсальных схем, их уточнение и совершенствование составляет важнейшую задачу типологии, т. к. в силу своей универсальности они могут служить самым надежным *tertium comparationis* при сопоставлении языков – оказалась бы читателю ближе.

А. Руссо (Лилль) в статье «Понятие “когнитивной схемы” в лингвистической типологии» исследует последовательность показателей в глагольной лексеме. Опираясь на данные французского и немецкого языков, он обнаруживает последовательность, которую составляют строго упорядоченные глагольные категории залога, фазы, модальности, времени, наклонения и лица. Автор идентифицирует аналогичную структуру в языках различных типов и, с другой стороны, в организации именной синтагмы. Иконичность этой последовательности приводит к выводу, что она основана на когнитивной схеме, аналогичной «синтаксическим схемам» Карла Бюлера.

А. Шёреш и К. Маркелло-Низья (Париж) в статье «Диахроническая типология: новая гипотеза о переходе типа OV в тип VO» сопоставляют пути формирования порядка слов SVO в таких разных языках, как французский и венгерский. Детально проанализированы процессы, которые привели от латыни (SOV) к современному французскому (SVO), варьирование порядка составляющих в синтагме и пропозиции в старофранцузском. В венгерском, вплоть до современного состояния, подлежащее может быть как в пре-, так и в постпозиции к глаголу: варьирование связано с определенностью и с коммуникативной организацией высказывания. С другой стороны, в том, что касается порядка составляющих в синтагме, венгерский язык остается языком OV. В заключение авторы выдвигают следующую гипотезу: когда изменение начинается в синтагмах, оно имеет тенденцию распространяться на пропозицию, а когда оно начинается на уровне фразы, синтагмы могут остаться незатронутыми.

В статье К. Тен-Шек (Париж) «Роль явлений агглютинации в семито-хамитском морфогенезе на материале арабского и берберского языков» рассматриваются случаи агглютинации синтагматических единиц, которые могли иметь место в разные периоды и в разных языках семито-хамитской семьи. Используются данные различных диалектов арабского и берберского языков. Цель статьи состоит в том, чтобы «вывести семито-хамитские языки из их типологической изоляции и сопоставить их с языками, классифицируемыми как агглютинативные». «Типологическая изоляция» семито-хамитских языков проистекает, по мнению автора, из необычности их морфологической техники. Тенденция к агглютинации обнаруживается на разных уровнях языка – на уровне словоформы с артиклем, синтагмы, фразы и даже стихотворной строки в классическом арабском. На более ранних стадиях развития агглютинация привела к образованию аффиксов и флексий, и в современных семито-хамитских языках аффиксация является не менее широко используемой техникой, чем мена гласных в трехконсонантном корне. Таким образом, можно говорить об арабском и берберском как о языках с тенденцией к агглютинации, с высоким показателем по шкале синтетизма и развитой фузией, вводя их в широкий контекст типологических исследований морфологии.

Все статьи написаны на богатом, типологически разнообразном языковом материале, лингвистический анализ которого выполнен на безупречно высоком уровне. В этом, несомненно, сильная сторона такого коллектива авторов: каждый пишет в первую очередь о языке, специалистом по которому является. В то же время надо признать, что единый подход и общие теоретические установки у авторов этого тома отсутствуют, несмотря на очевидное знакомство с работами друг друга. Каждая статья предваряется очень кратким обзором предлагавшихся подходов к обсуждаемой проблеме, и автор заявляет о том, к какому из этих подходов он намерен присоединиться. Разнообразие избираемых подходов и концепций, в рамках которых авторы рассматривают свои данные, затрудняет «перевод» результатов иссле-

дований с языка одной статьи на язык другой. Например, автор первой из двух статей, посвященных личным местоимениям, считает необходимым включиться в дискуссию о статусе 3-го лица (не-лица), тогда как автор другой статьи строит свои рассуждения на концепции иерархичности системы личных местоимений, в рамках которой вопрос о статусе 3-го лица был бы просто некорректен.

Тем не менее, такие расхождения не мешают авторам сборника одинаково понимать задачи типологии и работать в направлении выявления лингвистических универсалий путем анализа типологически разнообразных языков. Безусловный интерес представляет детальный анализ локативных предикатов в америндских языках, проведенный К. Гриневальд, и предложенные ею способы описания статичных предикатов, которые, несомненно, могут с успехом быть применены к материалу других языков. Статья К. Ажежа привлекает внимание типологов к одноактантным предикатам. Трудно спорить с тем, что в типологии «господствуют» двухактантные предикаты, изучение которых привело, в частности, к формированию представления об эргативности и аккузативности, без которого невозможно представить себе современную типологию. Детальный и аргументированный анализ одноактантных аффективных предикатов, сделанный Ажежем в этой статье, позволяет надеяться, что исследования в этой области окажутся не менее плодотворными.

В большинстве статей поднимаются вопросы, традиционные для работ по типологии: антипассив и аккузативность, смена базового порядка слов, маркирование социальных отношений в речи и категории вежливости и пр. Однако «традиционность» этих вопросов не умаляет ценности предлагаемых авторами решений и анализируемых данных, а изданию в целом даже придает дополнительный вес: коллективную монографию, в которой получили освещение многие традиционные проблемы типологии, можно использовать как готовое учебное пособие по этой дисциплине.

К.В. Викторова